

Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 20 июня 2018 г.

Текст: Х. Каррон. «Вот Я делаю новое: неужели вы и этого не хотите знать?»
Духовные упражнения Братства. Введение.

- *Along the Jordan river*
- *La notte che ho visto le stelle*

Слава...

Veni Sancte Spiritus

Добрый вечер всем присутствующим и тем, кто подключился к трансляции. Продолжаем наш путь поиска большей близости в отношении со Христом, пролегающий через все события жизни. Как мы видели на упражнениях, такая близость достигается исключительно в рамках истории, разворачивающейся в самой сердцевине жизни. Поэтому любое обстоятельство, которое мы призваны переживать, является шагом на пути к близости с Ним. А что помогает нам сделать такой шаг?

Прочитую сначала отрывок из введения: «Неизбежно возникает вопрос: способна ли наша деятельность привести нас к свершению? Сигнал тревоги – тяжелое чувство в отношении того, что нужно «делать» и что, в конечном счете, не приносит удовлетворения. Именно опыт неудовлетворенности, который мы переживаем, когда ожидаем нашего свершения от того, чем занимаемся, именно он, если мы сохраняем в себе хоть немного нищеты сердца, способен стать возможностью, шансом ощутить безотлагательную потребность возвращения к началу, к покорившему нас когда-то воодушевлению перед Христом». Я играю в регби на профессиональном уровне в Падуе и месяц назад достиг результата, о котором давно мечтал. Мы выиграли финал главного итальянского первенства и стали чемпионами Италии. Помимо этого я занес попытку и таким образом стал самым результативным игроком соревнований. Однако, когда я услышал финальный свисток, меня не охватили бесконечные волнение и радость, которых я ожидал. Как только завершилось празднование победы на поле, я, попрощавшись со всеми, кто пришел за меня болеть, вернулся в раздевалку, принял душ и в ожидании ужина пошел к машине, чтобы оставить сумку. В это время, пока я был один, у меня возник неожиданный и острый вопрос: «А что теперь?» Я добился того, о чем мечтал пять лет, я увенчал окончание сезона решающей попыткой, на меня пришла посмотреть целая толпа людей... И все же я вынужден был смириться с тем, что всего этого мне было мало. Я ощутил чуть ли не возмущение и говорил себе, что так не может быть и что мне нужно напрячься и быть довольным. Затем, однако, опять же в течение нескольких мгновений я попытался заглянуть в самую глубину себя и осознал: причина такой реакции в том, что моя нужда по-настоящему бесконечна. Так я вернулся к собственным истокам, к началу моего «я». И меня поразило то, как реальность совершенно неожиданным образом снова словно спрашивала меня: «Чего хочешь ты, именно ты?» Дала о себе знать мера, во всем превосходящая мою, и она разрушила все возможные мои проекты (или впечатления, как ты их называешь) относительно реальности, и неожиданно я ощутил себя свободнее и любимее. Действительно, в тот момент Другой именно посредством ностальгии говорил мне: «Ты больше этого.

Интересно ли тебе узнать, какую любовь Я приготовил для тебя?» Ностальгия, нахлынувшая на меня по окончании матча, стала возможностью вновь понять, с помощью какого критерия принимать решения, которые потребуются от меня в будущем. Правильную дорогу подсказывает не ясный анализ ситуации. Единственный критерий, делающий меня свободным перед лицом реальности, – моя потребность в счастье здесь и сейчас. Я бесконечно благодарю эту компанию, поскольку без постоянной работы, которую она мне предлагает, я не смог бы смотреть на себя таким образом.

В день грандиозного успеха возникает вопрос: «А что теперь?» «Исполнилось то, о чем я мечтал пять лет, и все же мне этого оказалось недостаточно». На мгновение ты даже возмутился, словно тебе самому нужно было усилием воли стать счастливым и устранить возникшую неудовлетворенность. На самом деле то, что произошло, помогло тебе понять природу твоей нужды. Мы понимаем природу нашей нужды в первую очередь не в те моменты, когда все идет наперекосяк. В таком случае можно было бы сказать: «Надо только, чтобы все шло, как надо, чтобы все устроилось, вот тогда я буду на седьмом небе». Нет, проблемы начинаются, когда жизнь складывается лучше некуда, и тем не менее, как ты сказал, этого мало. Это куда больше говорит о нашем существовании, о «тайне земного бытия», как называл ее Леопарди, чем любые наши размышления. Ты знал об этом, читал, что ничего нам недостаточно, но совсем другое дело – прочувствовать все на собственной шкуре, в опыте. Интересно, что, как только человек делает такое открытие, он с удивлением ощущает себя свободным. «Другая мера, во всем превосходящая мою, дала о себе знать и сделала меня свободным». Возмущение сменилось свободой. Отсюда берет начало ностальгия, ностальгия по чему-то, что человек уже испытал: «Ты больше этого. Интересно ли тебе узнать, какую любовь Я приготовил для тебя?» Близость со Христом – это не что-то, что портит весь праздник по случаю победы, а то единственное, что в состоянии его спасти! Если уже в первые мгновения тебе всего было мало, какой же это праздник? Тебе нужно было бы отвлечься, чтобы праздновать. Праздник спасается только благодаря признанию. И потому близость со Христом, к которой мы стремимся, нужна не для того, чтобы добавить нам «благочестия», но чтобы не утратить то великое и невероятное, что случается в жизни. Однако порой наша нужда обжигает нас слишком сильно, и мы предпочли бы ничего не чувствовать. Что позволяет выстоять перед такой глубочайшей и неотложной нуждой?

Расскажу об опыте, который я переживала на протяжении долгого периода, отмеченного моментами, когда Христос казался мне совершенно оторванным от жизни. Какие там близкие отношения! Все было с точностью наоборот. В результате я перестала ходить на школу общины и начала жить по собственному усмотрению, поскольку ничто ни о чем мне больше не говорило. Я была несчастна, сердита, печальна. Не знаю, доводилось ли вам смотреть на разные фрагменты вашей жизни (на работу, знакомых, семью) с ощущением, будто в руках у вас одни черепки. При всем при том моя работа (я занимаюсь онкологией) вообще никак мне не помогала, а наоборот, в буквальном смысле терзала меня. Невозможно скрыться от конечной драмы существования, когда видишь, как люди умирают и оставляют своих близких. Все это вскрыло во мне глубочайшие раны и превратилось в этакий туман горя, с которым я больше не могла мириться. В определенный момент я сказала: «Я бы хотела не чувствовать, не желать, хотела бы, чтобы моих ран не было». Однако потом, много времени спустя,

перспектива впервые перевернулась, и я подумала: «Ладно, у меня глубокая рана, и я пыталась избавиться от нее всеми способами: встречаясь с коллегами, поступая по собственному усмотрению, стараясь обрести удовлетворение, наладить жизнь. Проблема в том, что эта рана есть и продолжает быть и, чем бы я ни занималась, она проявляется, она неустранима, это часть меня, которая неизменно пульсирует сильно-сильно». Тогда я сказала себе: «Невероятно! Мне кажется, я наломала кучу дров, все испортила, и жизнь моя – просто кошмар, а в действительности у меня есть сердце, которое, по всей видимости, не перестает кричать! У меня живое сердце! И даже когда другие счастливы в конце вечера, проведенного в пустых развлечениях, для меня все не так! Планка моего желания, планка, установленная тем, с кем я встретилась, гораздо выше, и я всегда ощущаю несоответствие. После нескольких месяцев тяжелой работы, перед Пасхой, я участвовала в Крестном пути, приехав к последней его части. И меня поразила одна настойчивая мысль, мысль о том, что Христос воплотился.

Сколько раз ты слышала эту фразу?

Много, но в тот момент я по-настоящему ощутила это.

Это история, и нас она не должна возмущать. Сама история конкретным образом возвращает тебе уже известное.

Потом мы с друзьями очень быстро поужинали, и, хотя в предыдущие дни моя жизнь была полна тяжести, я вернулась домой и поняла, что радостна. Я так и подумала: «Вот, сейчас я дышу полной грудью, словно камень с души свалился». Объяснений тому не находилось. Мне доводилось бывать на более «красивых» ужинах, но на многих из них я не была радостна, а в тот момент – да. Я поняла постепенно, потому что эта радость не оставляла меня в покое, и я продолжала думать о ней. Причина была открытию того, что Христос действительно воплотился и с Ним можно встретиться в конкретном месте, через конкретные лица. Но не то чтобы мне не хватало лиц определенных людей, моих друзей. В моей жизни не было присутствия, которое я однажды встретила. Именно поэтому я решила поехать на упражнения. Я поняла, что мне нужно вернуться в место, где я встретила, где я видела в действии это Присутствие. Однако мне пришлось быть предельно честной с самой собой. В определенный момент я спросила себя: «Хорошо, давай начистоту, чем ты жила до сих пор? Где за всю твою жизнь ты находила то, что искала и что способно наполнить твое сердце?» Только во встрече с Движением. На упражнениях меня больше всего поразило письмо девушки-индианки, которое ты прочитал во время второй лекции и которое оставило меня без слов. Она живет на другом краю света, я никогда с ней не встречусь, я даже не знаю, как ее зовут, и все же она казалась мне близким человеком! Она словно дала мне пощечину и сказала: «Ты вообще помнишь, чем ты жила в последние месяцы? Помнишь, зачем сюда приехала и в чем нуждаешься?» Слушая ее слова, я подумала: «Невероятно, она напоминает мне, почему я здесь». Я тоже встретила взгляд определенных людей, и, как у нее, у меня тоже есть рана на сердце, которую я пыталась устранить, но желание вновь увидеть встреченное постоянно возвращается, прямо как случилось с ней. Она поехала по миру, решив: «Хватит, буду жить моей жизнью». Но убежать невозможно, ведь ты бежишь от того, что внутри тебя, то что стало частью тебя. На упражнениях я еще раз открыла для себя эту странную радость,

которая для меня является огромным подарком. И прежде всего я ощутила себя свободной. Например, вечером я оказалась на ужине в гостинице с малознакомыми людьми. Нас с ними ничего не связывает. Тем не менее они в тот момент стали даром для меня. Утром я чувствовала себя не в своей тарелке, а вечером я была свободной, поняла, что я свободна. После ужина я поехала на встречу с моими близкими друзьями, с которыми почти никогда не вижу (они живут в другом городе). Мы провели весь вечер с ними и другими людьми из их Братства. Там я тоже ощутила эту невероятную близость и подумала: «Постой-ка, это что-то не мое». Не мое, поскольку обычно в отношении с друзьями у меня всегда открыта рана: я смотрю на них и не знаю, когда увижу в следующий раз, и мне страшно их потерять. Поэтому обычно я хочу проводить время с ними, и только с ними. А в тот вечер такой проблемы не было: мне не мешали ни другие люди, ни расстояние. И тогда я подумала: «Значит, дело не в конкретных лицах, а в близости со всеми этими людьми». Я чувствовала, что с ними мы разделяем нечто, превосходящее нас.

А почему, по-твоему, тебе не было страшно потерять те лица?

Я не боялась, так как видела, что у нас с ними в буквальном смысле как бы общий великий корень, и потому неважно...

И потому ты уже больше не можешь их потерять!

Да, я уже не могу их потерять! Именно так. Их уже больше не потерять.

Понимаете? Если человек снова не оказывается перед Присутствием, он предпочел бы ничего не чувствовать, ничего не желать. Нам не удастся должным образом смотреть на собственную человечность, как мы слышали в песне: «Без Него я больше ничего не понимаю» (*Along the Jordan river*). Мы больше не понимаем даже то, что напрямую нас касается, не понимаем желание, из которого мы сотканы, жажду, которой мы являемся и которую ощущаем в самой глубине себя. На самом же деле в такие моменты человек осознает, насколько живо его сердце. Мы не должны упускать из виду ничего из наших рассказов. Ты спрашивала: «Почему другим достаточно меньшего?» Твои коллеги идут вечером развлекаться и остаются довольными. Тебе же этого мало, поскольку планка твоего желания гораздо выше. Мы уже не те, кем были до встречи, встреча открыла нам нечто большее о нас. Мы поняли, кем являемся в действительности. И другие не должны нас возмущать. Если они не открыли, кем являются, им остается довольствоваться меньшим, ведь они не знают, какой полноты может достичь жизнь, а ты это уже видела, уже испытала. Поэтому жизнь становится гораздо драматичнее, как говорила и наша индийская подруга, потому что, чем дальше идет жизнь, тем больше ты осознаешь, что увиденное тобой не сравнится ни с чем. Ты можешь попирать этот факт, можешь отвлечься от него, устранить его, не думать о нем... Но он есть, он присутствует, и твое «я» сформировано им. Господь ожидает нас. И мы уже не впадем в заблуждение: «Но не то чтобы мне не хватало лиц определенных людей. В моей жизни не было присутствия, которое я когда-то встретила». Где его искать? Там, где ты нашла его раньше: «Поэтому я решила поехать на упражнения». Это поразительно! Так человек понимает всю инаковость христианства. Почему надо ехать к конкретным людям, почему именно в Римини? Об этом, должно быть, спрашивали

себя и ученики: почему, чтобы войти в личное отношение с Тайной, нужно отправиться не к раввину, не на лекцию по Ветхому Завету, а на рыбалку с Ним? Почему нужно идти в Капернаум, а не в Иерусалим? Потому что не мы решаем, где происходит событие. Так мы осознаем природу этого Лица, и у нас возникает желание увидеть его вновь, и мы вдруг с удивлением замечаем, что люди, собравшиеся в Римини, – наши друзья. И мы удивляемся тому, что происходит в отношениях с друзьями. Отец Джуссани говорит: если Христос не достигает сердца, мы чувствуем отчужденность от других людей. Лишь с Ним возрастает близость.

Однако иногда, хотя мы и видим все это, у нас возникает коварный вопрос, о котором мне пишет один из вас. После просмотра новостей о тяжелых и болезненных событиях его сын-подросток задал ему ряд вопросов, на которые отец ответил с позиции веры: «Перед лицом зла, даже если оно огромно и выбивает почву из-под ног, мы должны тотчас поднимать взгляд и обращать его к Нему, смотреть на Него, заново утверждать Его слова, Его обещания. Так Мы увидим и доброе, как, например, любовь в нашей семье». Тогда сын сказал ему: «Папа, как мы можем быть уверенными, что таким образом не просто утешаем сами себя, не пытаемся отвлечься от происходящего?» Далее этот человек пишет: «В молодости я занимался теннисом, и меня научили *аутогенному тренингу*, позволяющему контролировать стресс во время соревнований. [Нашего чемпиона тоже, вероятно, с ним познакомили.] Нужно сосредоточиться на положительном, отстраниться от совершённой ошибки, смотреть вперед, концентрироваться на текущем моменте, никогда не думать о поражении и т.д. А вопрос моего сына снова выбил меня из колеи. Иногда я спрашиваю себя: неужели и сейчас, работая над школой общины, поднимая взгляд на Христа, я по-прежнему занимаюсь аутогенным тренингом?» Как ответить на этот вопрос?

Насколько я понимаю, необходимо быть постоянно внимательными к фактам, поскольку факты – это знак Его присутствия. Мне вполне ясно, что происходит в евангельском эпизоде, в котором Филипп просит Иисуса показать им Отца и Иисус отвечает: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца...»

Видите? У нас есть ответ, но нужно быть внимательными к фактам, поскольку именно они подтверждают, что мы не занимаемся аутогенным тренингом.

Я понимаю, что необходимо признавать истоки инаковости, проявляющейся в событиях, о которых рассказываем друг другу. Однако нередко складывается впечатление, будто я должен достичь близости со Христом, будто это какая-то обязанность (и от этого становится тревожно), и я теряю лучшее, поскольку живу, поглощенный проблемой «необходимости» Его признания. Напротив, когда Он являет Себя, начинает дышаться по-другому, и говорить Ему «Ты» получается как бы спонтанно. Кроме того, из опыта, который я получил в эти годы в Движении, могу сказать, что выбрал христианство не по моралистическим причинам, а потому, что с завистью увидел людей, живущих счастливо. Как же избавиться от этой сложности, связанной с моими усилиями?

Ты использовал слово «спонтанно», словно альтернатива в этом: либо «долг», «обязанность», либо «спонтанность». Что значит признавать Христа? Обязанность, которую я должен

исполнить, или нечто спонтанное? Мое усилие или Он Сам, идущий мне навстречу, чтобы спасти? Мы всегда противопоставляем то, что нам дается, и то, что мы должны сделать сами. Чтобы ответить на твой вопрос, достаточно было бы прислушаться к твоим словам. Ты говоришь: «Из опыта, который я получил в эти годы в Движении, могу сказать, что выбрал христианство не по моралистическим причинам [вот тебе и ответ: речь не о том, чего ты сам должен достичь], а потому, что увидел людей, живущих счастливо». Это не аутогенный тренинг! Не он изменил твою жизнь, ее изменили факты, которые ты увидел, счастливые люди, которых ты встретил. Однако для нас говорить так – значит подразумевать некую спонтанность. Словно достаточно увидеть счастливых людей, чтобы достичь истоков счастья. Нет. Ученики, как ты сказал, процитировав эпизод с Филиппом, могут быть рядом с Ним и не понимать, Кто Он. «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14:9). Иначе говоря, они могут быть рядом с Ним и не доходить до Отца. Это не долг, не обязанность, но и не спонтанность. Это признание, которое становится истинным, только когда достигает истока, начала радости. Вопрос в том, кто Сей Человек, кто Он. «Разве ты не понимаешь, Филипп: тот, кто видит Меня, кто видит эти факты, тот видит и их исток? Тебе ничего не нужно добиваться собственными усилиями, Я Сам сошел с небес, чтобы донести его до тебя. То, чего Я не могу сделать за тебя, это признать все это». Христос просит о твоем участии, просит у тебя признания. Если разум не признает то, что видит, то ты так и остаешься в подвешенном состоянии между тем, чего должен бы достичь, и спонтанностью. Нет! Проблема ни в том и ни в другом. Проблема в признании, в честности по отношению к тому, что я вижу, которая доводит меня до самого истока. И в этом случае мое «я» должно всецело вовлекаться в происходящее, чтобы не потерять лучшее, начало всего. Как когда человек видит букет цветов (мы приводили этот пример много раз) и оказывается перед вызовом. Да, спонтанно – видеть букет, но не спонтанно – дойти до того, кто тебе его послал. Если ученики смотрят на Него и не видят Отца, являющего Себя в Иисусе, у них возникает вопрос Филиппа, хотя они и разделяют со Христом жизнь. Какие факты помогают нам признать, что вера во Христа – не самоутешение и не аутогенный тренинг?

Я преподаю математику в профессионально-техническом училище. Как-то вечером в мае, когда нам оставались последние недели до конца года, учителя собрались на собрание, где обсуждался следующий вопрос: «Каким образом твоя работа стала возможностью проверить веру?» Для меня это был вызов, и я с удивлением заметила, что меня переполняет благодарность. Не думаю, что мне доводилось переживать более тяжелый рабочий год, настолько отмеченный чувством собственного бессилия. В то же время никогда происходящее не становилось мне столь дорогим. Я бы не вычеркнула ни одного дня, так как постоянно открываю для себя, что есть Тот, Кто использует все, чтобы воспитывать меня. Один из моих классов крайне сложный, работать с ними на занятиях настолько нелегко, что некоторые мои коллеги сочли это и вовсе невозможным, а в их комментариях и суждениях на первый план часто выходили жалобы и отчаяние. Я и сама не раз ощущала, как меня определяют пораженческие настроения. Как бы то ни было, именно в самые трудные моменты, все чаще и чаще в течение года у меня возникал вопрос, своего рода предположение: а что если я не должна чего-то ждать от них, что если, наоборот, они, эти ребята и эти коллеги даны мне, чтобы я что-то поняла; что если они даны мне ради моего собственного изменения? Когда осознаешь такую возможность, каждый день можешь и начинать заново! Боль от чувства

бессилия и желание, чтобы ребята узнали что-то великое, остаются, однако моя мера и мои планы сметаются в сторону. То, что поставлено на карту и что способно произойти, гораздо больше моих идей, с которыми я захожу в класс и которые всякий раз развенчиваются. Порой я выхожу из их аудитории удрученной, и занятие кажется мне полным провалом. Но именно когда я так думаю, мне нужно остановиться и признать: неправда, что ничего не произошло! Какое-то время назад, я заметила, что один из самых трудных ребят, из тех, кто определяет настроения в классе и увлекает за собой других, стал в отношении со мной чуть ли не послушным. Он, должно быть, заметил, что небезразличен мне, и поэтому ждал меня, ждал, когда я посмотрю на него, проявлял желание чего-то большего, хотя часто и подавленное. В январе мне удалось встретиться с его родителями, и они в слезах сказали мне: «Наш сын с прошлого года совершенно не изменился, с ним все плохо, он ужасно себя ведет, мы уже больше не знаем, как с ним быть!» Вполне вероятно, его снова не аттестуют, но ведь это не последнее слово о нем! Я дала им практические советы, касающегося моего предмета, и кроме того сказала о надежде, которая существует, потому что есть его сердце. Я говорила им: «Мы не знаем, что с ним произойдет в эти месяцы». Я и представить не могла, что его родители, находившиеся в полном отчаянии, доверились бы мне и приняли мой вызов всерьез. Они поговорили с сыном и предложили ему сделать еще одну попытку и записаться в центр помощи с уроками. И он согласился! Вот уж не подумала бы, что он ответит да. В последние месяцы я с изумлением смотрю на этого ученика. Когда я иду к ним на занятие, он ждет меня в коридоре, чтобы показать мне тетрадь: «Смотрите! Я сделал чертежи, как вы просили, и выполнил задания!» Он никогда раньше не выполнял задания. Многие коллеги ничего такого не заметили, и когда мы говорили об этом на педсовете и в некоторых личных беседах, их реакция меня поразила. Казалось, происходившее не имело никакого значения в масштабе общей ситуации и его успеваемости, словно речь шла о чем-то мизерном...

Словно это результат аутогенного тренинга.

Да, словно это что-то мизерное и слишком хрупкое. Они не видели... Я понимаю, что, когда не видишь факты, в тебе побеждает досада. Спровоцированная коллегами, я спросила саму себя, что же произошло. Что я увидела? Юношу, который начинает все заново, начинает делать что-то важное. Освободившись от меры, он стал ценить самого себя, потому что чувствовал, как его ценят. Одна подруга напомнила мне слова пасхального плаката: «С того дня, как Петр и Иоанн... увидели Его воскресшим и живым посреди них, все способно измениться. С тех пор и навеки человек может меняться, может жить, может оживать». Волнительно думать, что Христос действительно меняет мою жизнь. И первый признак этого – в том, что Он позволяет тебе видеть больше!

Итак, что укрепило твою близость со Христом в этом году? Ты занималась аутогенным тренингом, самоутешением?

Нет, я начала видеть то, чего раньше не видела.

Повтори то, что ты сейчас сказала!

Я стала видеть больше!

Больше! Мы видим больше. Это вам не аутогенный тренинг! Все остальные люди не верят нам. Но со всеми их методиками, со всей их подготовкой они и представить не могут себе такую меру, позволяющую тебе так смотреть на ученика, как ты рассказала. Что если это, а не аутогенный тренинг, и есть подлинный взгляд на реальность? Когда ты смотришь на реальность и видишь то большее, что в ней есть, когда ты смотришь так на ученика, который, кажется, никогда не сдвинется с места, которого, кажется, пора списывать со счетов, с которым даже родители не знают, что делать, когда ты смотришь так, то и они начинают смотреть иначе. Ничего общего с аутогенным тренингом! Но для этого нужно некое присутствие в настоящем. Именно через реальность, не до, не после и не рядом, а внутри нее мы познаем Христа и близость с Ним возрастает. Для этого не надо пытаться убедить себя в чем-то, ломать голову. Он Сам постоянно застаёт нас врасплох, позволяя нам увидеть инаковость, новизну, входящую в историю и ломающую любую нашу меру, даже в том, что касается самых простых вещей.

В пятницу утром я приготовил продуктовые наборы, после чего пошел разносить их. Я провел по два часа с семьями, испытывающими затруднения. Парадоксально, но эти их затруднения для меня – огромная помощь. Прежде всего потому, что они поддерживают во мне живыми главные вопросы. Вопросы, которые мой друг (он не из Движения, но прочитал почти все книги Джуссани) называет вопросами о смысле. Один безработный отец семейства, с двумя детьми и безработной женой, сказал мне, что ему хотелось бы по мере возможностей дать что-то взамен продуктового набора, который я приношу ему. Он вручил мне рюкзачок своего сына (школьный портфель, немного подлатанный, потому что он кое-где порвался) и попросил подарить ему какому-нибудь нуждающемуся ребенку. Я не мог не растрогаться, и он заметил это и обнял меня, не говоря ни слова. В тот момент наших сердец коснулось что-то истинное. Или лучше, мое сердце вновь заработало, начало делать то, что должно. Отсюда берут начало и отношения. Отталкиваясь от случившегося, я стал думать о только что сформированном правительстве. Меня пугает не так называемое «популистское» правительство, а народ, которого больше нет, люди, отвечающие животом, а не головой, и более неспособные на солидарность, на дружбу, не умеющие делиться. Я живу в маленьком городе, такие вещи сразу видно. А потом ты несешь кому-то продукты и находишь там, осязаешь надежду. Возможно смотреть на другого человека и быть ему другом. Сердце должно сопротивляться, то есть существовать. И нам нужно помогать в этом друг другу – именно об этом я прошу моих друзей. Мы не изменим мир, но изменимся сами (так же, как мы не изменим жизнь людей, к которым ходим, но изменимся сами). Тогда изменится и мир.

Речь не о чем-то сугубо личном, а о том, что начинает менять реальность, когда в нее входит истинный взгляд на ученика и его родителей, на нуждающихся, которым ты относишь продукты. Однако порой духовный распад, несмотря ни на что, настигает и нас. Что спасает от него?

Недавно меня включили в группу в Whatsapp, посвященную организации праздника для дочери двух наших друзей. Праздновать предлагалось в пятницу, в тот же вечер, когда наш епископ пригласил все движения епархии участвовать в святой мессе в Сотто-иль-Монте по случаю прибытия раки с мощами святого папы Иоанна XXIII. Я написала: «В пятницу будет месса, но

я не думаю, что мы пойдём, моя дочь – ей один годик – ни секунды не останется на месте. В общем, мы готовы, давайте устроим праздник!» Тогда одна наша подруга ответила: «Нет, ребята, это же очень важно! Папа зовет нас! Устроить праздник в то же самое время – значит отсечь все!» Я осталась без слов, поскольку то, что она написала было несравнимо прекраснее моего ответа. В те дни я перечитывала введение к упражнениям и, еще раз задумавшись, поняла: духовный распад, который, если честно, казался мне «проблемой стариков», затронул и меня! Я была настолько поглощена организацией моей маленькой реальности, моего мирка, что не позволила непредвиденному распахнуть мой взгляд! Иисус звал лично меня: «Любишь ли ты Меня больше всех твоих планов? Готова ли ты выделить время и для Меня в твоём безудержном организаторстве?» В пятницу вечером моя дочь хорошо себя вела, и мы с мужем пошли на мессу. Я почти бежала туда с коляской, чтобы не опоздать, а муж говорил мне: «Куда ты так торопишься? Ты не в себе?» Я ответила: «Я волнуюсь и очень рада быть здесь сегодня. Иисус зовет нас через папу, понимаешь? Мы не можем опоздать!» На месте перед мощами святого папы мы молились о всех семьях и о том, чтобы наше сердце и дальше оставалось открытым и задетым благим Богом.

Это может быть что-то совершенно простое: человек чувствует, как его куда-то зовут. В такой момент он в состоянии осознать, что утратил открытость в отношении непредвиденного, в отношении того способа, каким Тайна призывает его. Мы услышали лишь один пример непредвиденного события из множества происходящих с нами ежедневно. Кто бы мог подумать, что это вытянет тебя из духовного распада? Не мы решаем, каким совершенно неожиданным образом Тайна призовет нас. Поэтому я говорю об учениках. Кому бы пришло в голову отправиться вместе на рыбалку? Кто-то мог бы и тебе возразить: «Почему нужно идти на мессу вместо того, чтобы устроить праздник, особенно когда у тебя есть все причины не ходить? Для учеников отношение с Тайной заключалось в том, чтобы поплыть куда-то в лодке с каким-то человеком. Нас всех это как громом поражает. Но без такой готовности следовать за непредвиденным мы остаемся пленниками духовного распада, нашего мирка, в котором в конце концов задыхаемся. Порой, однако, случаются события, настолько выбивающие из колеи, что наши раны вновь открываются.

Во вторник вечером я с двумя подругами возвращались из Кастьоне-делла-Презолана. Там мы общались со старшеклассниками и рассказывали им о том, что узнали о шестидесяти восьмом годе, о нас самих и об учебе в процессе подготовки выставки для Митинга. Все отлично и с пользой провели время. Затем мы спокойно сели в машину, я вел, и в определенный момент мне стало жарко, поскольку на мне был свитер. Я припарковался на обочине, чтобы снять его. Это заняло несколько секунд, не больше. Мы двинулись дальше и через пару поворотов оказались первыми свидетелями дорожного происшествия, случившегося только что между двумя автомобилями. Не остановись я, чтобы снять свитер, и мы могли попасть в него. Катастрофа была страшной: лобовое столкновение, с одной стороны – семья, с другой – мужчина. Мы сразу же вышли, чтобы вызвать скорую и понять, как обстоят дела. Перед таким событием тут же встает острый вопрос: что я здесь делаю? Кто хочет, чтобы я был здесь? Достаточно сильного удара, и мы ломаемся, и завтра нас уже нет. Мы могли попасть в то же ДТП, для этого мне просто не нужно было останавливаться, чтобы снять свитер. Среди пострадавших был мальчик, который ехал с праздника по случаю окончания учебного

года... А я и сейчас еще здесь, жив и здоров. Но что наполняет это «здесь и сейчас?» «До тех пор, пока мы не станем свободными», – заявляли те, кто протестовал в шестидесятые. Что делает меня свободным здесь и сейчас? Что здесь и сейчас делает возможным мое свершение? Если я не отвечаю на этот вопрос ежеминутно, конкретным образом, через факты жизни, если «Ты» – лишь аккуратное завершение некоего рассуждения, а не присутствие, преодолевающее время, то мою жизнь, подвешенную на волоске, я строю на пустоте. Кое-что меня действительно поразило: среди воплей и ругательств (спасатели ругались как сумасшедшие), с того момента, как мы отвели раненого мальчика в сторону, подальше от его матери, я начал безостановочно молиться Богородице. Почему мы столкнулись с теми людьми? Почему именно мы, а не кто-то еще? Кто знает, вероятно, в тот момент мы единственные думали о Христе. Я пережил тот же опыт, который ты описывал на встрече ответственных Италии в марте. Оказавшись перед автокатастрофой, перед болью ребенок не может не смотреть на отца. В то же время это был и опыт влюбленного человека на празднике, хотя ситуацию нельзя было назвать праздничной. Перед такими событиями наши обычные силлогизмы, в конце которых мы прилепляем «Ты», не выдерживают, испаряются. На следующее утро я проснулся позднее обычного, потому что мы вернулись в два с половиной часа ночи, но мне не удалось заснуть до четырех. Положа руку на сердце, мне не хотелось вставать, идти на собеседование с директором общежития и делать остальные дела. Лишь одна мысль выдернула меня из-под одеяла: «Сегодня диакония!» Мне крайне необходимо было место, а не абстрактные разъяснения боли (в конце концов, даже Иисус Себя от нее не избавил). Я очень нуждаюсь в конкретности, в близости. Меня разбирает дрожь, стоит мне подумать, как порой мы воспринимаем диаконию: как место, где мы просто сидим, устроившись поудобнее. В каждое мгновение на карту поставлены жизнь и смерть, и в тот день я с нетерпением ждал, когда окажусь на диаконии, несмотря на усталость, грусть, и витание в собственных мыслях. Как трогательно, что у меня есть отношение, место, которые мне приходят в голову, когда жизнь так напирает. И со всей силой у меня возникает вопрос: «Чего, Господи, Ты хочешь от меня, такого хрупкого человека?» И рождается желание, чтобы Он охватил каждый сантиметр моего сердца, чтобы я позволил Ему наполнить меня и привести меня к свершению здесь и сейчас. Я также заметил, что даже перед таким настоящим фактом можно остановиться на впечатлении, на некоем в буквальном смысле впечатлившем тебя событии, и оно начинает занимать все твои мысли. Ты останавливаешься на впечатлении в том случае, если никто не побуждает тебя «поднять взгляд», если ты не учишься делать это, замечать, что именно произошло и что факты даются ради твоего обращения. Только так можно преодолеть впечатление.

Даже в случае такого сильного впечатления можно остановиться на одном лишь впечатлении. Джуссани говорил нам об этом в тексте, который мы цитировали в прошлый раз: «Обратите внимание: Иисус среди нас может быть началом целого мира человечности [помогающего нам чувствовать себя комфортно, как ты говорил], полного радости и дружбы, полного... помощи, конкретной как в формальном, так и в материальном смысле, которую Он готов нам оказать, однако Иисус может быть также сведен до уровня портрета прекрасной женщины, высеченного на ее надгробии». Иными словами, Он может остаться чем-то холодным, никак не влияющим на жизнь. Напротив, когда жизнь подпирает, как говорил наш чемпион, когда ее натиск ощущается на занятиях в классе или на месте автокатастрофы, которая помогает тебе вернуться

к самому себе, когда так происходит, а человек не доходит до близких отношений со Христом, то во что превращается жизнь? Чем больше человек желает, чем серьезнее жизнь, тем острее ощущается потребность в близости. Не в любого рода близости, а в том, что находится на высоте жизненной драмы. «Чего человек желает сильнее, чем истины? И что такое истина? Человек присутствующий, человек присутствующий [посмотрите, что говорил Джуссани!]: его нельзя сточить или смыть с прекрасного и радостного облика компании людей, которые должны быть его зна́ком». Мы убедились в этом сегодня вечером. Перед нами могут быть лица других людей, но когда жизнь напирает, нам нужно что-то иное, мы сразу ощущаем потребность поднять взгляд к чему-то иному. Потому что если нет Его совершенно своеобразного Лица, если нет Христа, все заканчивается в мгновение ока. И «речь не идет, – говорит Джуссани, – о том чтобы самортизировать вес нашей дружбы, рассеять действительную насыщенность глаз, уст, лиц, слов, пения, сердца, компании, прекрасной, как наша, речь о своего рода острой необходимости провозглашать Твое Имя, о Христе: „Спасибо, что Ты показал Себя и сел здесь с нами“» (L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Milano: Bur, 2001. P. 150–153). Как видите, нужда в такой близости рождается из самого нутра жизни, от вызовов, постоянно встающих перед нами. Желаю, чтобы это лето стало для вас возможностью укрепить близкие отношения с Ним во всех обстоятельствах, какие только могут с нами случиться, чтобы в каждом из нас все острее возникала необходимость провозглашать Его имя, Твое имя, о Христе.

Летом работа школы общины над текстом упражнений Братства продолжится следующим образом:

- с настоящего момента и до конца июля мы будем читать первую лекцию (с. 18–35), а также соответствующие вопросы и ответы собрания в Италии (с. 64–69, 71–75) и Испании (с. 79–84);
- в августе и сентябре мы перейдем ко второй лекции (с. 41–62) и соответствующим вопросам и ответам собрания (с. 69–71, 76–77).

Вопросы, касающиеся введения, находятся на с. 77–79, 84–87.

Тема, которую мы предлагаем для каникул общины, связана с тем, о чем мы говорим: благодаря чему нам легче входить в близкие отношения со Христом? Благодаря вниманию к фактам. И потому тема звучит так: «Из сего узнаешь, что Я Господь». Эта фраза была процитирована в первой лекции упражнений, и мы выбрали ее в качестве указания на метод переживания каникул, для которого важно внимание к происходящим фактам, помогающим нам признать Господа. Так можно победить искушение, заставляющее нас думать, будто все сводится лишь к аутогенному тренингу, к дешевому утешению, тогда как на самом деле, речь идет о вещах реальных, исторических. Если мы вместе не смотрим на все это, то нам никаким другим образом не удастся преодолеть дуализм.

Митинг в Римини пройдет с 19 по 25 августа. Его название: «Силы, которые движут историей, – те же, что делают человека счастливым». Митинг – редкое пространство диалога, совместной жизни и встречи между самыми разными людьми и реалиями, однако то, что его созидает больше любого разговора или выставки, – это наше участие. Поэтому не будем упускать возможность быть там, творить его нашим присутствием, вовлекаться в него лично, приглашать наших друзей и наши общины и переживать происходящее с позиции главных

героев. Я призываю вас поехать хотя бы на один день и проверить, не изменится ли что-то в вашей жизни. Кроме того, прошу отнестись всерьез к тому факту, что в этом году Митинг особенно нуждается в помощи взрослых волонтеров.

День начала года состоится в субботу, 29 сентября, в Милане. К нему в прямом эфире подключатся люди во многих городах Италии. К тому моменту мы соберем вопросы и проблемы, которые выявятся во время каникул и встречи ответственных, вопросы, которые возникнут у тех, кто желает продолжать путь, и рассмотрим их вместе, чтобы помочь друг другу начать новый социальный год.

Veni Sancte Spiritus

Всем хороших каникул!